

Константин Иванов**Реплика по поводу дискуссии о книге Марины Могильнер «Ното imperii. История физической антропологии в России».**

Константин Иванов. Адрес для переписки: Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, пер. Старопанский, д. 1/5, Москва, 103012, Россия. konstantinivano@gmail.com.

В рецензии Александра Эткинда на книгу Марины Могильнер «Ното imperii. История физической антропологии в России» – в целом вполне благожелательной – содержится упрек в том, что автор уделяет много внимания «тупиковой области», развитие которой в XX веке привело к появлению «программ геноцида, депортации и других методов дискриминации на основании расовых признаков». На мой взгляд, это его утверждение не верно – ни фактически, ни методологически.

Во-первых, рассматриваемая Могильнер область исследований, а именно – физическая антропология – не была тупиковой. Антропометрические данные, собранные в XIX и в начале XX столетия полноценно заняли полагающееся им место в ряду эмпирических данных эволюционной биологии. Я вполне способен понять настороженность рецензента, поскольку человеческое тело является предметом не только биологических изысканий, но и правовых применений. Однако правомерно ли напрямую увязывать исследовательский интерес к особенностям строения человеческого тела с политическими практиками его дискредитации?

Я согласен с Эткиндом в том, что многие антропологические проекты рубежа XIX–XX веков оказались по сути своей утопичными. Среди наиболее курьезных примеров такого рода можно назвать попытки Чезаре Ломброзо определить антропологический тип потенциального преступника или преступницы; клинические фотографии доктора Хуга Велча Даймонда по физиогномической идентификации типов сумасшествия; антропологический атлас «Красота женского тела», изданный доктором Штратцем с целью создать эмпирическую основу поиска физиологических критериев женской красоты – и множество иных подобного рода примеров. Однако появление таких оригинальных исследовательских направлений отнюдь не является приговором всему интеллектуальному течению, называемому физической антропологией, точно так же как работы последовательного сторонника развития идей просвещения Томаса Мальтуса не являются приговором всему проекту Просвещения.

Во-вторых, ретроспективное изучение подобного рода «заблуждений» отнюдь не рассматривается современной историей науки как нечто маргинальное и бесперспективное (или, как пишет сам Эткинд: «В XXI веке упражнения в физической антропологии представляются ни чем иным, как лженаукой»). Например, недавний гендерно ориентированный проект ретроспективного прочтения книги Ломброзо «Женщина – преступница и проститутка» (Lombroso and Ferrero 2004) позволил выявить в числе прочего стратегии рациональных способов навязыва-

ния мужского доминирования, практикуемых в XIX веке. Коль скоро речь заходит о выявлении генезиса интеллектуального обоснования политического доминирования (говорим ли мы о расизме, евгенике, сексизме или о чем-то еще), то трудно сказать, что будет разумнее – составить возможно более полное представление об истоках этого доминирования или стыдливо игнорировать не самые симпатичные эпизоды человеческой истории, присваивая им уничижительное наименование «лженауки».

Наконец, тот, кто владеет историческим чувством XIX века, кто массированно знакомился с деталями повседневной жизни людей того времени, должен понимать, что XIX век был гораздо более груб и «физиологичен» по сравнению с XX и тем более с XXI веками. Гужевой транспорт. Кучи навоза на тротуаре. Отсутствие общедоступной стоматологии. Крайне ограниченный набор средств личной гигиены. Выступая на открытии перестроенной Московской обсерватории на Пресне, тогдашний ее директор Витольд Карлович Цераский произносит в университетской аудитории следующие слова: «В обсерватории должно быть все прекрасно – от телескопа до выгребной ямы!» И вряд ли это был литературный троп. Скорее, обычное словоупотребление. «"[М]одерные", сверкающие, не допускаящие ошибок стальные приборы в лакированных футлярах», о которых пишет Эткинд, были вполне к месту и образовывали новую тенденцию эпохи. Мир еще только прокладывал дорогу на Вэлвилл.

То же самое можно сказать об отчетах комиссии по изучению естественных производительных сил России при Академии наук, в которых такое словоупотребление, как «выяснить племенной состав населения России», не вызывало ни у кого никаких побочных впечатлений. Таковую же риторику унаследовал советский Наркомпрод: «[П]еред всеми нами стоит вопрос установить связь между биологическим развитием и марксизмом, между учением об экономике общества и учением о человеке как животной особи, связи между жизнью отдельной личности и коллективом как с точки зрения хозяйственно-производственной, так и с точки зрения развития человека как биологической, физиологической особи» (Петров 1924: 66–67). Именно эти черты образовывали исторический облик эпохи, реконструкция которого является прямой задачей любого непредвзятого исторического изыскания.

Я солидарен с мнением Веры Тольц, что, рецензируя книгу, лучше давать оценку тому, что попытался сделать автор, а не критиковать его за то, что он вполне сознательно обошел вниманием. Кроме того, по моему глубокому убеждению, в исторической науке следует старательно избегать сомнительной привилегии говорить как бы от лица самой истины, внося в исследовательский дискурс оценочные категории типа верно/неверно, хорошо/плохо, полезно/вредно. На мой взгляд, более плодотворной стратегией был бы категорический отказ от преимуществ, которыми снабдило нас время, «естественным образом» отсеив «бесперспективные» позиции и приведя общество и знание к современному состоянию, в котором иногда хочется видеть закономерный итог исторического процесса. Ведь очень часто историческая реальность проявляет себя не в согласии, а, наоборот, вопреки нашим индивидуальным предпочтениям, а исторический факт не всегда может быть обоснован понятной для всех целью.

БИБЛИОГРАФИЯ

Lombroso, Cesare, and Ferrero Guglielmo. 2004. *Criminal Woman, the Prostitute, and the Normal Woman*. Translated by Nicole Hahn Rafter and Mary Gibson. Durham, NC: Duke University Press.

Петров, Федор. 1924. *Стенограмма доклада на Совещании директоров научных и научно-художественных учреждений 22 ноября 1924 г.* ГАРФ. Ф. А-2307. Оп. 9. Д. 205. Л. 61–83.